П. Н. САВИЦКИЙ

РАЗРУШАЮЩИЕ СВОЮ РОДИНУ

(СНОС ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И РАСПРОДАЖА МУЗЕЕВ СССР)

ИЗДАНИЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ

П. Н. САВИЦКИЙ

РАЗРУШАЮЩИЕ СВОЮ РОДИНУ

(СНОС ПАМЯТНИКОВ ИСКУССТВА И РАСПРОДАЖА МУЗЕЕВ СССР)

ИЗДАНИЕ ЕВРАЗИЙЦЕВ

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW68

Несмотря на появляющиеся время от времени газетные сообщения, русская общественность не отдает себе достаточного отчета в том *разрушении России, как страны искусства,* которое происходит на наших глазах. В сознании некоторых всё ещё живут представления о коммунистах, как о заботливых хранителях памятников искусства и ревнителях музейного дела, представления, сложившиеся в первое десятилетие существования коммунистической власти. Между тем, действительность давно уже опровергла эти представления. Во втором десятилетии своего существования коммунистическая власть показала себя *ожесточенным и ни перед чем не останавливающимся разрушителем ценнейших памятников истории материальной культуры.* От разрушения отдельных, художественно замечательных построек и целых комплексов их она перешла в последнее время *к разрушению эстетического облика целых городов.* В списке тринадцати, наиболее достопримечательных «городов-музеев», данном в предисловии Игоря Грабаря к выпуску I-му серии «Русские города — рассадники искусства» (1913), — одним из тринадцати назван *Архангельск.* [1] Можно считать, что к 1936-му году *Архангельск не существует более, как город искусства.* Одной из основных

1) Цит. соч., с. 5.

художественных его достопримечательностей являлось величественное здание кафедрального собора, заложенного в 1709 г., «с пятиярусным иконостасом, стенной росписью и богатой ризницей церковных облачений». Это было чуть-ли не единственное в СССР сооружение, «сохранившее ансамбль начала XVIII столетия в полной неприкосновенности» — готовое вместилище для богатейших, накоплявшихся в Архангельске веками коллекций древне-русского искусства. [2]) Памятник этот разрушен, и на его месте построен театр. [3]) Как будто в просторах Архангельска не было другого подходящего места для театра: чтобы его построить — уничтожили наиболее монументальное здание города. Облик Архангельска без стройного профиля собора, вдохновенно возносившегося ввысь над группами приземистых зданий — это то же, что облик Москвы, без профиля кремлевских соборов. Или быть может сносом собора архангельские «культурники» боролись с религией? Но срытием пемятников материальной культуры ее не победишь. Религиозное чувство бывает бездейственно и мертво — под сводами самых роскошных храмов. И может жить и цвести и там, где не останется ни одного храма. — Впрочем, архангельские «деятели» не оставили вниманием и зданий «светского» назначения. Илья Эренбург, в своем романе «Не переводя дыхания», [4]) дает картину сломки архангельской *таможни* (лето 1934 г.). Романист полагает, что таможня эта — «петровского времени». Он ошибается. Архангельский «каменный город», часть которого представляла архангельская таможня, был начат постройкой в 1668 г., когда Петра не было еще на свете. Это была первая каменная постройка на архангельском севере. Значение ее в истории русской

---

2) А. Н. Попов. Город Архангельск. История. Культура. Экономика, Архангельск 1928, с. 57-58.

3) См. статью В. Ворыгина «Всесоюзная лесопилка», «Правда» от 19-го марта 1935 г.

4) 2-ое издание, Москва 1935, с. 26-28.

материальной культуры неизмеримо велико. В новейшее время (уже после Октябрьской революции) обстоятельная история этой постройки дана в книге А. Н. Сперанского «Очерки по истории приказа каменных дел Московского государства». 5) На этой грандиозной стройке, продолжавшейся с 1668-го по 1676 г., «голландского инженера сменил московский подмастерье» — Дм. Мих. Старцев, «который и справился с ней успешно». Особенно большое значение имели помещавшиеся тут же «гостиные дворы». В них сосредоточивалась большая часть русской внешней торговли того времени. Уничтожение этого здания эквивалентно сознательному сожжению богатого архива, с документами по социально-экономической истории страны. И это действие произвели *марксисты?* Да, эти люди так себя называют. Но полагаем, что на этот раз в таком наименовании есть элемент клеветы на Маркса. Марксу, как ни как, было присуще глубокое историческое чувство и интерес к экономической истории. Те же люди, которые посягнули без всякого смысла на важнейший ее памятник, — или не нюхали Маркса, или поняли в нем столько же, сколько свинья понимает в апельсинах. Повторяем, сломка архангельской таможни лишила историка важнейшего документа по истории социально-экономических отношений прошлого. Но не только это. В ее лице погиб первоклассный памятник древне-русского искусства, неповторимо гармоническим образом сливавшийся со всем ландшафтом Архангельска, с подчеркнутой суровостью его пейзажа. «Стоит только войти во двор таможни, писал в 1928 г. А. Н. Попов, как перед глазами посетителя развернется красота знакомых по картинам мотивов русского каменного зодчества XVII века». «Кому мешала эта таможня? Да ведь это уникум!», восклицает у Ильи Эренбурга «музейный работник» Хрущевский. А иностранец Штрем, оказавшийся, по

---

5) Москва 1930, с. 137, 185, 217 и др.

тому же роману, свидетелем сноса таможни, — «негодует или завидует». Неправда: он *презирает*, ибо «Иванов, непомнящих родства», презирают. — Архангельские «устроители» не остановили своей «деятельности» на соборе и таможне. В Архангельске был еще один исторический уголок, свидетельствовавший о том, что русские в области строительства не были «нацией Обломовых». Это был полный своеобразной прелести комплекс классических зданий на площади у памятника Ломоносову. Этот комплекс, состоявший из «присутственных мест» и дома губернатора, рекомендовал, в качестве «интересной архитектурной группы старого Архангельска», сугубому вниманию иностранных туристов советский путеводитель по СССР. 6) Теперь мы узнаем от В. Ворыгина (см. выше), что «присутственные места и дом губернатора уступили место пятиэтажному Дому советов». Видимо, в современном Архангельске, с его 250-ью тысячами жителей, при нормальной жилищной площади максимум на 100 тысяч человек, жилищной площади, по мнению «устроителей», слишком много. Уж если строить пятиэтажный дом — то непременно на месте старинных, прочных, во всех отношениях превосходных зданий, пригодных для самого комфортабельного жилья и любых учреждений. Русский Север, изволите ли видеть, так густо застроен, что иного места для пятиэтажного дома найти нельзя. Если бы у коммунистических вождей была, в этом вопросе, хоть капля здравого смысла и чувства бережливости по отношению к народному добру, то вместо того, чтобы хвастать таким «строительством» на страницах «Правды», они немедленно отдали бы под суд архангельских «устроителей». Всё это обнаруживает поразительное невежество и не-

---

6) См. Führer durch die Sowjetunion, Gesamtausgabe, bearbeitet von A. Radò, herausgegeben von der Gesellschaft für die Kulturverbindung der Sowjetunion mit dem Auslande, Berlin 1928, c. 356.

меньшую убогость мысли у тех, кто приставлен к охране народного добра, доставшегося стране от прошлого. Помимо всего прочего, уничтожение Архангельска, как художественного центра, представляет собою вопиющую глупость и *в чисто материальном смысле*. Город этот, с интересными подступами с севера (Белое море) и с юга (Северная Двина) — с элегантной громадой собора, со впечатляющей таможней, с ампирными ансамблями своих площадей — мог бы явиться *крупным центром туризма*. В чисто архитектурном смысле он был интересней очень и очень многих старинных портовых городов Европы, мог равняться с лучшими из них. Но где теперь эта красота? Вместе с ней исчезли и туристические возможности. Коммунисты гордятся тем, что они расширили, а отчасти построили вновь архангельские лесопилки. Очень хорошо и почтенно. Но крупных лесопилок есть немало в мире. Ради них массовый, а тем более иностранный турист не станет приезжать в Архангельск. А вот архитектурный ландшафт Архангельска, с наиболее внушительным памятником русского торгового капитализма («таможня»), с прекрасным подбором художественных произведений начала XVIII-го века (собор) и т. д., был в своем роде *единственным в мире*. И как раз с ним расправились просвещенные «последователи» Маркса.

Они посягают на туристическое призвание страны. Они не чувствуют, сколь великое туристическое будущее может предстоять СССР, если только он сумеет сберечь свои памятники. Ведь Советский Союз есть *страна небывалого*. В то же время он — наследник одного из наибольших и одного из наиболее самостоятельных в мире художественных наследий. Значение этого наследия еще не оценено (выпуск книг по *древне-русскому* искусству в течение ряда лет даже просто не допускался). Но раньше или позже оно станет ясным для всех. И тогда Советский Союз, если только он не разрушит своих памятников, может стать *первой туристической страной мира*. Ибо особую привлекательность имеет сочетание *нового со старым*: строи-

тельство нового мира на фоне великих памятников прошлого. И это сочетание должно реализоваться не только в Кремле, но повсюду, где есть к тому данные. А данные эти налицо (поскольку их не разрушает рука невежества) во всей старой Руси, в Крыму, на Кавказе, за Каспием. Туризм не должен являться уделом только столиц, как это наблюдается на Руси в настоящее время, — он должен разлиться именно по всей стране. Новое составляет динамику, заботливо сбереженное старое — его фон и рамку. Без этого фона новое теряет свою новизну, страна становится «Иваном, непомнящим родства». Размах строительства должен сочетаться с пафосом бережения культурного наследства. И если это сочетание будет осуществлено, — не будет страны в мире более привлекательной в туристическом отношении, чем Советский Союз.

Что же мы видим на самом деле?

От разрушения художественного облика отдельных городов коммунисты переходят к уничтожению эстетической стороны целых *туристических магистралей*. Стоит на краю гибели, а, может быть, уже и вовсе погиб другой художественный центр на северно-двинской магистрали — город Устюг Великий, на южном ее конце. Он тоже значится у Игоря Грабаря в списке наиболее замечательных русских городов. Разрушения начались здесь не позже 1929-го г. В только что названном году в журнале «Безбожник у станка» появилась статья Павла Палемского под характернымъ заглавием «Обезглавленный город». «Несколько старых церквей Устюга, писалось в этой статье, пошло на слом. Откомхоз (отдел коммунального хозяйства) в своем строительном экстазе пустил в разбор даже здание, чрезвычайно редкое и интересное по архитектуре, — башню оригинального собора. Если не ошибаемся, здание было на учете Главнауки» [7]) — одно из бесчисленных доказательств, прибавим от себя, полной

---

7) «Безбожник у станка», 1929, № 24, с. 8.

не-эффективности охраны памятников этой последней. Впрочем, после событий начала 1930 г. (взрыв Симонова монастыря в Москве) охрана эта и вообще потеряла какое бы то ни было практическое значение. Еще в конце 1920-х годов в Устюге, в числе других, была сломана церковь Симеона Столпника.[8]) Б. Дунаев, посвятивший в свое время монографию художественным сокровищам Устюга, об этом храме, выстроенном в 1725-1747 гг., отзывался так: «зодчие сумели придать ему величественность и пышность в общем его архитектурном ансамбле». [9]) Тогда же снесена была церковь Жен-Мироносиц XVII века и др. Словами Хрущевского, Илья Эренбург описывает разгром «Воскресенской» церкви в Устюге, под псевдонимом которой скрывается, вероятно, *Вознесенская* церковь этого города — наиболее замечательный памятник XVII века: «Недавно я ездил в Великий Устюг. Воскресенская церковь — Главнаука признала — «вне категории». Какие там изразцы! Церковь разгромили — воры искали золото, чтобы снести в торгсин. Все переломали. Думаешь, один раз? Три раза ее громили. А охрану не хотят поставить. Вот этими сапожищами я должен был ступать по строгановским иконам, по рукописям, по книгам». Даже худшие враги русского народа, те, которые не признают за ним никакого качества, никакой ценности, — не могли бы приготовить более печальной судьбы произведениям русского искусства Не сказывается ли в действиях тех, кто осуждает древне-русские города на подобную участь, и тех, кто спокойно на нее взирает, — лютая ненависть «ко всему русскому»? С кем соревнуются руководители областей и краев? Чьи мечты уже сейчас переводят в действительность?

Известия о разрушениях приходят со всех сторон. Из числа многих примеров возьмем немногие. Л. М.

---

8) «Безбожник у станка», 1929, № 5, с. 18.

9) Борис Дунаев. Город Устюг Великий, изд. 2-ое дополненное, Москва 1919, с. 35.

Каптерев, автор брошюры «Город Горький», [10]) выражается так: «Там, где за древними стенами кремля еще недавно грузно поднимался Нижегородский кафедральный собор, теперь высится новое, восхитительное по своей архитектуре здание Горьковского крайисполкома. Кажется, что у него нет стен, а только окна — так много света, воздуха и простора в этом сооружении». Тут же приложен вид этого дома: ординарное, хотя и большое, здание в стиле «конструктивизма». Очень хорошо, что г. Горький обогатился образчиком и этой архитектуры. Но неужели единственным путем к такому обогащению был снос самой древней каменной постройки Нижегородского края, каковым являлся упомянутый выше собор? Ведь несмотря на позднейшие перестройки, в основе его лежало сооружение, воздвигнутое князем Константином в 1350—1352 гг., в самом начале исторического подъема Нижнего Новгорода. [11]) И что сталось при сносе собора с находившейся в нем гробницей Кузьмы Минина, заслуги которого по части освобождения страны от иностранных интервентов признаны теперь и коммунистической властью? И не сказался ли в сносе этого здания, овеянного историческими воспоминаниями, дорогими для каждого русского сердца, «антимарксистский», если брать выражения «Правды», [12]) «своего рода «левацкий интернационализм» — непонимание того, что коммунисты отнюдь не должны отгораживаться от положительной оценки прошлого своей страны»? Дореволюционные описания Нижнего выделяли из числа 30 его церквей четыре примечательных. [13]) Судьбу одной из них мы уже знаем. Не возбуждает сомнений и судьба второй из этих церквей.

---

10) Горьковское краевое издательство, 1934, с. 68.

11) См.: А. В. Экземплярский. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период, СПБ. 1889, том 2-ой, с. 401.

12) «Правда» от 1-го февраля 1936 г.

13) См.: Россия. Полное географическое описание нашего отечества, том I-ый, СПБ. 1899, с. 384-385.

«На месте бывшей Георгиевской церкви, пишет Л. М. Каптерев, строится громадная гостиница». Таким порядком погибло выдающееся по своим художественным достоинствам здание, принадлежавшее самому началу XVIII века. В современном Советском Союзе большой дом не может, повидимому, строиться иначе, как на месте первоклассного памятника русского зодчества. Как убедить в этих условиях тех, кто способен вдумываться в судьбы культуры, что Советский Союз управляется не одними руссофобами? А ведь зодчими, создававшими идущие на слом шедевры, были отнюдь не представители «привиллегированных сословий» — они такими делами не занимались — это были талантливые, порой — гениальные художники, выходившие из среды крестьян и посадских. *Их* произведения уничтожает теперь рука разрушителя, работы простых, но великих русских мастеров, вроде архитектора Архангельского «города» Д. М. Старцева, строителей устюжских церквей и т. д. Как не почувствовать в этих условиях, что действия разрушителей отодвигают на максимальное расстояние от нынешней власти «всё, что́ есть ценного в историческом прошлом нации». И как не задуматься о том, возникновению *каких настроений* способствует эта политика, поскольку она имеет дело с кругами, не потерявшими исторического сознания. Во имя *обороны* и единства страны надлежало бы пригвоздить к позорному столбу имена разрушителей — и сделать так, чтобы никому не было повадно повторять их преступные «подвиги».

Как известно, уже в первой половине 1930-го г. разрушен до основания исторический облик Екатеринбурга — Свердловска. Психологически — это был яркий пример того, что в широких кругах населения взрывы храмов не ослабляют, но *усиливают* религиозное чувство. Архитектурно — итогом этой «кампании» было уничтожение лучших зданий города. Теперь советская пресса полна жалоб на предельную безвкусицу в новом строительстве Свердловска. Чего можно ждать другого от «Ивана, непомнящего родства»?

Стертым с лица земли барочным и ампирным зданиям Екатеринбурга безвкусицу нельзя было поставить в укор.

В Сибири, по части отношения к художественному наследству, дела обстояли печально уже и к концу первого десятилетия коммунистической власти. И. М. Мягков говорил в 1926 г. на первом Сибирском краевом научно-исследовательском съезде: «Можно было бы привести много примеров гибели выдающихся памятников. Ограничусь немногим. В Томске в 1922 г. погибла часть знаменитой патриаршей ризницы, эвакуированной из г. Тобольска (была изрезана на театральные костюмы). Зимой прошлого (1925) года сгорела деревянная церковь, выдающийся памятник деревянного зодчества начала 19 века. Из 17 деревянных уник г. Томска осталось только 7 — остальные разобраны, а каждый из них являлся своеобразным шедевром. Даже усадьба-дворец купца Сосулина, постройки декабриста Батенькова — около Томска стоит разрушенная с провалившимся потолком. Знаменитые Илимские церкви (Иркутская губерния) 17 и 18 веков еле держатся. В позапрошлом году в Иркутске разобрали Московские ворота. Крепость и церкви г. Кузнецка уничтожены совсем. На картинах из собрания сенатора Фролова в Барнауле написаны декорации, а Демидовская церковь превращена в кино, собор же в Таре (начало XVIII в.) постановлено развести на баню и пр. и пр. и пр.» «Вы, говорил И. М. Мягков, обращаясь к присутствующим, — вероятно, сможете эти примеры дополнить другими, не менее вопиющими». [14]) Если таково было положение с памятниками искусства в Сибири в годы НЭП'а, когда в других частях страны оно было довольно или совсем благополучно — то можно представить себе, что делали с ними в следующие за тем годы. Невольно спрашиваешь себя, осталось ли вообще что-либо из художественно-

---

14) Труды первого Сибирского краевого научно-исследовательского съезда, том V-ый, Новосибирск 1928, с. 248-249.

го наследия по городам и весям Сибири. Во всяком случае, уже в самом конце 1920-х гг. приходилось в советских путеводителях, при описании сибирских городов, называть *несуществующие* памятники — видимо, за отсутствием достаточного количества других *сохранившихся* достопримечательностей. Таков случай «Московских» ворот в Иркутске, сломанных в 1924 г., но еще и в 1929 г., с пометкой «ныне разобраны», фигурирующих в списке достопамятностей этого города. [14а]) Московские ворота являлись памятником 1812 г. Как иначе истолковать их слом, как не в смысле желания власти стереть воспоминание о том, что страна *умела* отражать вражеские нашествия?

Известия о разрушениях приходят не только с Востока. Они идут с юга, из центра, отовсюду. В Свенском монастыре, являвшемся до последнего времени подлинным архитектурным украшением Брянского края (был расположен в 9 км. от Брянска), — уничтожен главный собор,а может быть, и все здания монастыря: известие звучит глухо. В книге Н. Н. Соболева «Русская народная резьба по дереву» [15]) говорится о несуществующем более иконостасе «главного собора Свенского монастыря (уничтоженного в 30-х годах нынешнего столетия)». Собор этот был выстроен в 1749-1758 гг., «согласно плана и модели гр. В. В. Растрелли». [16]) Это был незабываемый шедевр барочной архитектуры, такой шедевр, каких в стране нельзя насчитать и пол-десятка. Это было подлинное «чудо» Брянского края. Советские «покровители ис-

---

14а) Спутник туриста по Сибирскому краю, Новосибирск 1929, с. 138.

15) Москва 1934, с. 178.

16) Статья о Свенском монастыре М. Знаменского, с хорошими иллюстрациями, была помещена в журнале «Старые Годы», 1915, июль-август. В путеводителе Радо 1928 г. Свенский собор показан еще существующим, как крупная достопримечательность (с. 193).

кусств» позарились, вероятно, на грошевую прибыль от сломки этой предельно капитальной постройки. Какого имени и какой судьбы заслуживают эти люди, покончившие с лучшим зданием края?

В Ярославле в 1931 г. разобран храм великомученицы Варвары, [17]) причем разломан и его иконостас — по отзыву специалиста, «один из наиболее интересных образцов» деревянной резьбы первой половины XVII века. Не остановил разрушителей и тот факт, что стены этого здания несли на себе одну из крупных фресковых росписей Ярославля. Стоит ли беречь памятники художественного творчества «нации Обломовых». Советские искусствоведы готовы благоговеть перед росписью Сикстинской капеллы в Риме. Еще бы: ведь ценность ее признана «Европой»! Но они не отдают себе отчета в том, что их собственная страна создала в этой области никак неменьшие вещи. Пока еще сохранилась хотя бы одна фресковая роспись Ярославля или Ростова Великого — изучите внимательно эту роспись — и затем поезжайте в Рим. И сравните то абсолютно цельное, гармоническое, возвышающее и успокаивающее художественное действие, которое производит русская роспись — с той надломленностью сознания, разрываемого сразу на тысячу кусков индивидуальными, не согласованными друг с другом пошибами работавших здесь художников, которая охватывает вас в Сикстинской капелле. — Русские росписи коммунисты уничтожают не только в Ярославле. Как мы видели, они уничтожают их и в Архангельске. Можно сказать общее: на всем Русском Севере рука «сломщика» посягает на величайшие произведения мирового искусства.

В связи с намеченным на 1936-ой год развертыванием «полным ходом» строительства «гидростанций Рыбинско-Угличского гидроузла» (В. И. Межла-

---

17) Н. Н. Соболев, цит. соч., с. 169-171.

уж) [18]) — гибель угрожает в настоящее время уже не отдельным памятникам Углича, а старому Угличу, как целому. Кто хоть немного знает историю русского искусства, осведомлен, что произведений русского зодчества XVII века, которые были бы лучше угличских, вообще нет на свете. Кто плавал по верхней Волге, никогда не забудет того исключительного впечатления, которое оставлял в сознании каждого, даже не склонного к художественному восприятию человека — этот сказочный по красоте древне-русский город. И его хотят теперь срыть до основания! Понимают ли разрушители, что художественная ценность есть также и ценность экономическая. И что в этом порядке Углич, как создание искусства, материально, экономически ценнее, чем любая электростанция, которая может быть воздвигнута на плесе Рыбинск-Углич?

Также с архитектурными памятниками С.-Петербурга — Ленинграда дело обстоит неблагополучно; но всегаки благополучней, чем с созданиями древне-русского зодчества. Как объяснить это явление? Опять-таки трудно истолковать его иначе, как из *руссофобии* тех, от кого зависит в настоящее время судьба памятников искусства в СССР. Как известно, С.-Петербург-Ленинград — город, очень красивый, один из красивейших городов мира. В своем целом, он — город даже своеобразный, по своему отразивший «русский дух». Но отдельные составляющие его части, отдельные здания его и детали их вовсе лишены той самобытности, неповторимости, единственности, которая свойственна творениям древне-русского искусства. Они — больше на общее, «европейское» лицо, также и строились они в намерении создать нечто, не уступающее тому, что имеется во «всех Европах». И такая уж сложилась обстановка в СССР, что безлично-европейскому там гораздо легче сохраниться, чем своеобразно русскому. Уравниловская пошлость доходит, в этом отношении,

---

18) См. советские газеты от 12-го января 1936 г.

до геркулесовых столбов. Ее «ревнители» требуют, напр., чтобы и для зданий, сооружаемых в Узбекистане или Таджикистане, проекты составлялись исключительно в «европейских» стилях — видимо, с таким расчетом, чтобы нельзя было сказать, стоит ли это здание в Сталинабаде или, скажем, в Берлине. Поразительные по обличительности материалы по этому поводу были опубликованы недавно в «Архитектурной газете». [19])

Возвращаемся, однако, к вопросу о судьбах «архитектурного наследия» Ленинграда. В нем сломаны все, за исключением одной (по состоянию 1933 г.), церкви, построенные архитектором К. А. Тоном. [20]) Конечно, церковных сооружений Тона никак не отнесешь к числу шедевров архитектуры. Но документальную ценность для характеристики «стилесмесительной» эпохи середины XIX-го века имели и они. Другие действия разрушителей подлинно вопиющи. На Литейном (ныне —проспекте Володарского) снесен «Сергиевский всей артиллерии собор» (1796—1800). [21]) Это была чуть-ли не самая крупная из сохранившихся до XX-го века построек Ф. И. Демерцова, зодчего с «незаурядным талантом» — одного из относительно немногих собственно русских архитекторов (не иностранцев), действовавших в строительстве Петербурга на рубеже XVIII—XIX веков. Другое его произведение — Новый арсенал (1808) — было испорчено переделкой 1870-х годов. Ленинградские коммунисты возревновали, видимо, о славе петербургских «культуртрегеров» этого, самого темного в архитектурном отношении — периода. И превзошли их. Они не «испортили», а просто *уничтожили* выдающуюся постройку этого превосходного зодчего. Внутри собора был прекрас-

---

19) Номер от 8-го февраля 1936 г.

20) Ленинград. Путеводитель. Том. I. История, экономика, культура, Л. 1933, с. 251.

21) Ленинград. Путеводитель. Том II. Прогулки по городу, Л. 1933, с. 107.

ный иконостас XVIII века. Теперь на месте Демерцовского творения выстроен новый большой дом, — как будто для новых домов нет другого места, кроме площадок, на которых стояли лучшие постройки старинных русских зодчих. В северной части города (в Лесном) разрушена в 1932 г. так называемая «Новосильцевская» церковь [22]) (была построена на месте дуэли и смерти в 1825 г. флигель-адъютанта Новосильцева) — гармоничное здание в стиле классицизма, украшавшее весь прилегающий район. Автором его являлся архитектор И. И. Шарлемань I-ый. [23]) Постройка представляла собою просторную колонную залу, не имевшую, в чертах своей архитектуры, ничего специально церковного. Тот факт, что постройка эта пошла на слом, можно объяснять единственно нежеланием, чтобы на окраинах Ленинграда были залы таких масштабов и такой красоты. В 1933—1934 гг. окончила свое существование одна из немногих реликвий первоначального Петербурга, а именно Троицкий собор, стоявший на площади перед Петропавловской крепостью. [24]) Здание это снесено, одновременно с постройкой на той же площади «огромного, в конструктивном стиле, дома общества политкаторжан» (теперь распущено и это общество, а конструктивный стиль осужден). Троицкий собор был построен первоначально в 1710—1711 гг. и был выдержан «в стиле раннего петербургского барокко». [25]) Общеизвестно, как мало сохранилось образцов петербургского строительства первых десятилетий существования города. С этой точки зрения, Троицкому собору нельзя было отказать в незаурядной исторической ценности. И советская общественность отдавала себе в этом отчет.

---

22) Ленинград, том II-ой, с. 282.

23) Историческая выставка архитектуры, СПБ. 1911, с. 74.

24) Путеводитель по Ленинграду, издательство Ленобл-исполкома и Ленсовета, Л. 1934, с. 142.

25) Ленинград, том II-ой, Л. 1933, с. 299.

В 1927—1928 гг. постройка была заботливо реставрирована архитектором Катониным. И через шесть лет после того она была вовсе стерта с лица земного!

Психология «Иванов, непомнящих родства», сказывающаяся в крупном, дает о себе знать и во второстепенных (с точки зрения истории культуры и искусства) вопросах. Старинный дом по Фонтанке, № 197, связанный с воспоминаниями «Пушкинского Петербурга», недавно снесен — участок, от него освобожденный, «является теперь пустопорожним местом». 26) Иными словами дом этот снесен без всякого вообще смысла. Также от другого дома, овеянного подобными воспоминаниями (в нем жил драматург Шаховской и частым гостем бывал Пушкин) «от старинного дома статского советника Клеопина на Средней Подъяческой (ныне участок № 12) осталась лишь груда кирпичей. Небольшой дом этот недавно разобран». 27) Этот список можно было бы продолжить. Значение сообщаемых здесь фактов ничтожно, по сравнению с такими катастрофами для истории русской культуры, как уничтожение архангельских уникумов или растреллиевского шедевра под Брянском. Но и в большом и в малом сказывается один и тот же дух.

Разрушения, произведенные в Москве, более других известны широкой публике, и мы не будем останавливаться на каждом из них, в отдельности. Чудов и Вознесенский монастыри в Кремле, почти все (к настоящему моменту) церкви Китай-города, Китайгородская стена, почти все здания Симонова монастыря, Красные ворота, Сухарева башня, длинный ряд художественно примечательных церквей составляют этот печальный список. В нем — немало уникумов. Более того: приходится констатировать с сожалением, что он почти весь составлен из уникумов. Немало в нем и весьма монументальных зданий. Список этот настоль-

---

26) А. Яцевич. Пушкинский Петербург, Л. 1935, с. 12.

27) Яцевич, цит. соч., с. 200.

ко обширен, что к настоящему времени с полным правом можно говорить о происходящей широкой «демонументализации Москвы». Правда, на это могут возразить, что коммунисты, разрушая первоклассные памятники старого русского искусства, — одновременно немало строят. Однако, и тут имеется ряд трагических для судеб русской культуры «но». Прежде всего: настояще монументальные, со вкусом и вниманием осуществляемые новые постройки имеются всего лишь в ограниченном количестве районов Москвы. Разрушение же предельно ценных (с художественной точки зрения) построек охватило чуть-ли не все ее районы. Затем: даже в тех случаях, когда строятся действительно монументальные здания — в эстетическом отношении они не могут считаться «эквивалентными» старым. Ведь нужно же сказать правду: самостоятельного, органического, *своего* стиля советская архитектура не выработала. Об этом свидетельствует любая строчка в советских архитектурных журналах, любой советский проект, любое новое здание. Тут есть всё: и «конструктивизм», и классицизм, и «ренессанс» — нет одного: подлинного и оригинального творчества. Есть много раболепного почтения перед «европейскими» (или «признанными Европой») образцами — как старыми, так и новыми, — и есть грубая недооценка того, что́ создано по архитектурной части прошлым собственной страны. В этих условиях новые здания далеко не всегда *украшают* город. И тем ярче память об уничтоженных старинных постройках, в которых была и оригинальность, и «органичность», и архитектурная выдумка. И, наконец, последний и самый важный вопрос. Зачем эта нелепая, ни с чем не сообразная концепция: *или — или: или* сохранение памятников прошлого, его эстетических ценностей, *или* новое строительство. С точки зрения национальных интересов страны единственной правильной постановкой вопроса является концепция *и — и: и* сохранение памятников прошлого, *и* новое творчество. Будем надеяться, что рано или поздно советская архитектура найдет свой (а

не заимствованный у «капиталистического окружения» и не извлеченный из европейского прошлого) стиль. Соседство старинных сооружений будет тогда для нее тем более желательно: она будет измерять на них собственные свои достижения.

Ярким примером действия по «демонументализации» Москвы является снос Сухаревой башни. Как известно, это был величественный памятник Петровского барокко, по внушительности своей не уступавший лучшим постройкам старой и новой Москвы. Советские строители тяготеют теперь к «многоэтажности». Это был прекрасный образчик многоэтажного московского здания, двухсот с лишним лет отроду. В дополнение ко всему, к зданию этому были приурочены исключительные по своей значительности воспоминания из истории науки в России: во втором этаже башни помещалась в начале XVIII в. первая русская математическая и мореходная школа. Но, видимо, нынешним «хозяевам Москвы» плевать на историю математики и мореходного дела в России. Снос Сухаревой башни вызвал настоящее беснование «Иванов, непомнящих родства». К статье Е. Габриловича «Нет Сухаревки!» [28]) приложено две фотографии. Под одной надпись: «Старая Сухарева башня стояла поперек пересекающихся улиц, загромождая движение и создавая пробки». Под другой значится: «Теперь на месте Сухаревки — прямая просторная Колхозная площадь». Уж если так гнаться за «просторными площадями», создаваемыми на месте хотя бы и самых первоклассных памятников искусства, то не снести ли заодно и всю Москву, как римляне в свое время снесли Карфаген? Это было бы вполне в духе руссофобов, вдохновляющих эту кампанию разрушительства. Обе фотографии наглядно показывают, какими непрезентабельными домами была окружена Сухарева башня. Если возникали

---

28) Сборник: «Москва», под редакцией Л. Ковалева, М. 1935, с. 207.

такие трудности с уличным движением, — было легче легкого снести несколько из этих построек и освободить достаточную площадку вокруг башни (от чего выиграл бы и вид на нее). Но снесена Сухарева башня, по своим архитектурным достоинствам ни в чем не уступавшая лучшим памятникам Европы — и оставлены стоять эти жалкие «чуланы истории». Такова не только в Москве, но и по всей России руссофобская практика коммунистов. Не тронута рядовая застройка Архангельска, но стерты с лица земли зодческие маяки этого города. В неприкосновенности — деревянные балаганы Лесного — но срыта «Новосильцевская» церковь. Целы и обитаемы лачуги Брянского края, но нет больше его украшения — растреллиевского собора Свенского монастыря. Сломаны архитектурные памятники Нижнего, но к его хибаркам не прикоснулась рука разрушителя. Что значит всё это? Отдельные черты складываются в картину *ожесточенного гонения на «всё, что́ есть ценного в историческом прошлом нации»*.

Такую же картину мы находим *в советском музейном деле*. Начнем с примера, относящегося к хранилищу исторического характера. Новейший путеводитель по Крыму сообщает с торжеством: в Севастополе «уже нет музея севастопольской обороны, в нем размещен реконструированный Историко-революционный музей». [29]) Нет спора: в Севастополе, с его бурным революционным прошлым, есть почва для создания такого музея. Но в чем помешал здесь «музей севастопольской обороны»? Как раз сейчас максимально не своевременно уничтожение как его коллекций, так даже и его имени. Более, чем когда-либо, в настоящее время нужно учиться *обороне от интервентов*. Тут полезны и примеры прошлого — хотя бы как предостережение от ошибок.

Но, конечно, самым катастрофическим фактом в области советского музейного дела является начатое в

---

29) Бор. Баранов. Крым. Путеводитель, Москва 1935, с. 128.

1928 г. и не приостановленное до сих пор *разбазаривание русских музейных фондов.* Хуже всего обстоит здесь дело с коллекциями и музеями северной столицы. Между тем, именно Петербург был главным центром русского художественного коллекционирования последних столетий. И вот теперь значительная часть его коллекций *продана и вывезена за-границу.*

В середине 1920-х годов Ленинград являлся подлинным «городом-музеем». Наряду со всемирно известными коллекциями Государственного Эрмитажа, тогда еще нетронутыми распродажей, и коллекциями Русского музея (находящимися, нужно думать, в сохранности и теперь) в городе (помимо окрестностей) имелось около десятка художественно-бытовых музеев. В такие музеи были обращены дворцы: Строгановых на Невском, Шуваловых на Фонтанке, Шереметевых также на Фонтанке, Юсуповых на Мойке, дом купцов Ковригиных-Терлюкова на Васильевском острове. Были открыты для публики «исторические комнаты», с неприкосновенно сохраненной обстановкой, в Зимнем, Аничковом, Елагинском дворцах, в доме А. Д. Меньшикова на Васильевском острове. [30]) Мы напрасно стали бы искать эти «дворцы-музеи» в Ленинграде 1936 г. *Они погибли все без исключения.* Вместе с ними погибла для России значительная часть того, что вообще было сделано в ней в области искусства и собирательства.

Коммунистическая власть не сумела сберечь народное добро, перешедшее в ее руки. Замечательно при этом, что на большой процент оно было просто *разворовано* теми «хранителями», которым оно было поручено. Яркие данные этого рода были опубликованы в советской прессе. По сообщению «Комсомольской Правды», [31]) одному лишь «заведующему музеем» Ятмано-

---

30) A. Radò. Die fünf grössten Städte der Sowjetunion, Moskau 1925, с. 154-155, 161, 162, 179-180, 192-193, 197-198, 249-250, 251-252, 264-265.

31) Номер от 6 апреля 1929 г.

ву, в сообществе с рядом других лиц, удалось опустошить не только Юсуповский дом, но одновременно и особняки Шуваловых, Ковригиных и др. Один из этой банды брал себе из особняка-музея картины Греза, другой — «кабинет карельской березы» и т. д. Еще один «заведующий музеем» — Лаптев — занимался распродажей коллекций фарфора (при содействии аппарата Госторга). Такая же судьба постигла мебель, ковры и картины ряда других дворцов (напр., дворца великой княгини Марии Павловны). Но, конечно, *основная роль* в распродаже русских музейных ценностей принадлежит самой коммунистической власти. Начиная с 1928 г., она систематически вывозила и распродавала заграницей партии этих ценностей и продолжает эту свою деятельность и до сих пор. Об этом красноречиво свидетельствуют антикварные лавки любой европейской столицы, полные, к позору для Советского Союза, русских музейных предметов. Распродажи были начаты с коллекции Палей из Детского Села. Когда продажа ее прошла благополучно, дальнейшее разбазариванье пошло с тем большей энергией. По преуменьшенным официальным данным, общие размеры этих продаж определяются в период с конца 1928 г. по 1933 г. следующими величинами: [32])

---

32) Заимствуем их из издания: Внешняя торговля СССР за первую пятилетку (за период с 1928 по 1933). Статистический обзор под редакцией А. Н. Вознесенского и А. А. Волошинского. Внешторгиздат 1933. Дополняем их сведениями за 1933 г. по ежемесячнику «Внешняя торговля» (статистический обзор).

	Вывезено из СССР картин, гравюр и т. п.		Вывезено из СССР прочих (помимо картин и гравюр) предметов старины и искусства	
октябрь-декабрь	тонн	сумма (в тыс. зол. руб.)	тонн	сумма (в тыс. зол. руб.)
1928 г.	1	16	48	638
1929 г.	3	1.071	216	4.502
1930 г.	9	1.707	568	6.128
1931 г.	8	624	105	2.606
1932 г.	9	45	65	1.108
1933 г.	2	236	53	610

В 1934 г. была изменена номенклатура советской таможенной статистики. Она не знает больше подразделения вывозимых ценностей на «картины и гравюры», с одной стороны, и «предметы старины и искусства», с другой. Она говорит только о «предметах искусства и коллекционирования». Таковых за 1934 год вывезено 38 тонн на 487 тысяч рублей, а за 1935 г. — 45 тонн на 380 тысяч рублей. [33])

Таким образом, за последние годы вывезено из СССР исторических и художественных ценностей не менее, чем на 20 млн. золотых рублей. Это — по «официальной» расценке. Как видно из приведенных цифр, вывоз этот не прекращен и посейчас. Рыночная и «аукционная» оценка вывезенного была несомненно гораздо выше.

Можно притом считать достоверным, что значительная часть художественных ценностей, уходивших из страны, не попадала в реестры таможенной статистики. Особенно большую роль должна была сыграть здесь *дипломатическая почта*. Не исключено, что лишь половина или даже только треть того, что́ было продано, зарегистровано в обзорах советской внешней торговли. Весьма вероятно, что опустошения, произ-

---

33) Внешняя торговля, статистический обзор, 1934, № 12 (декабрь), с. 96; 1935, № 12 (декабрь), с. 118.

веденные в художественном наследии страны, прямо *чудовищны*. Но предельную по трагичности картину рисуют даже и официальные данные.

Как известно, и такие страны, как Франция и Англия, вывозили по временам значительные количества художественных ценностей (в особенности в САСШ). Но нужно заметить, что они не только вывозят их, но и *ввозят*. Отлив же музейных ценностей из СССР во все эти годы имел и имеет *абсолютно односторонний* характер. К тому же, художественные ценности, вывозимые из Франции и Англии, происходят не из *открытых для публики общественных музеев*. В случае же СССР мы имеем дело именно с таким явлением. Некоторые публичные музеи *целиком вывезены* и распроданы коммунистической властью за-границей. Напомним хотя бы о музее Палей. В качестве публичного музея он значился во всех путеводителях середины 1920-х годов. 34) Не менее яркий пример дает собрание Строгановых. К тому же, из Франции и Англии вывозятся не «национализованные» ценности, не те, которые отобраны у частных лиц — с целью превращения их в обще-народное достояние, открытое для обозрения каждому желающему и, прежде всего, крестьянам и рабочим Советской страны. Коммунистическая власть распродает именно такие ценности. Всё это придает совершенно особый характер названным выше распродажам.

---

34) См. хотя бы А. Радо, цит. соч., с. 288; Окрестности Ленинграда. Путеводитель. Под редакцией Б. Брюллова и М. Сергеева. Москва-Ленинград 1927, с. 332. «Дворец кн. Палей, говорит этот последний, изобилует прекрасными коллекциями мебели, фарфора, картин (оригиналы и хорошие копии)». Музей, устроенный в этом дворце, был открыт для публики по средам, пятницам и воскресеньям от 11 до 5 часов, за плату в 50 коп. для отдельных посетителей и в 10 коп. для экскурсантов. — Этому музею была посвящена и особая монография: Э. Голлербах. Дворцы-музеи. Собрание Палей в Детском Селе, 70 стр., с 9 иллюстр. на отдельных листах, Москва, без года.

Франция и Англия не имеют, наконец, того призвания к организации художественного воспитания широчайших масс, которое является уделом Советской России. Обе страны насыщены художественными памятниками. Расстояния в них не велики. Музеи столиц и немногих крупных городов вполне могут обслужить всех, имеющих тягу к занятиям историей и искусством. Совсем по иному складывается положение в СССР. Расстояния в нем огромны. Те хранилища памятников искусства, которые мы находим в столицах — Москве, Ленинграде, Киеве — никак не могут удовлетворить целиком существующих в стране потребностей по ознакомлению с ними. На Востоке и отчасти на Юге страны даже крупные города не имеют сколько-либо полных и сносных художественных музеев. До революции они отсутствовали вовсе. В первые годы *после* революции было сделано кое-что в этом отношении, но, в общем, очень немногое. В городских центрах Закавказья и Туркестана можно, при затрате на это достаточных средств, создать первоклассные (быть может, даже *мирового* значения) коллекции по истории *восточного* (передне-азиатского, иранского) искусства. Но тем важнее пополнить их стоящими на не меньшей высоте собраниями *западного* искусства. Только при этом условии названные городские центры будут в силах осуществлять в полноте свое культурное *евразийское* призванье. В Сибири музеи как восточного, так и западного искусства приходится почти целиком строить *наново*. 35) Создать же их следует. Нужно во что бы то ни стало приобщить эти, поднимающиеся к новой и мощной жизни земли к первоклассным художественным ценностям прошлого, к тому лучшему, что есть в «культурном наследстве». И в Омске, и в Новосибирске, и в Иркутске *должны* существовать художествен-

---

35) Из местных памятников эстетическую ценность имеют здесь почти исключительно археологические и этнографические собранья.

ные музеи, которыми могла бы гордиться страна.[36] Сибирский школьник вправе любоваться в своих краевых центрах и подлинной персидской миниатюрой, и полотном «кватроченто», и лучшей ампирной мебелью. Если он не будет иметь этой возможности, перечисленные сокровища мировой культуры останутся ему вообще чужды, ибо только немногие из сибирских школьников в состоянии проехать посмотреть их в Ленинград или Москву. Местная же сибирская традиция не дает ему «бытового» знакомства с этими выдающимися явлениями прошлого. Особую проблему составляют музеи Русского Дальнего Востока. В настоящий момент власть кладет немало усилий на то, чтобы защитить эту область от чужеземного натиска. Ей, в этих ее усилиях, сочувствует каждый русский, остающийся верным своей родине. Русский Дальний Восток нужно не только защищать, но и *достойным образом оборудовать*. В этом плане имеет свое значение и строительство в его городах (Благовещенске, Хабаровске, Владивостоке) художественных музеев. Все сказанное выше о музеях Сибири относится к ним в усиленной степени. В качестве особенности дальневосточной «музейной проблематики» можно назвать диктуемую обстановкой желательность специализации этих музеев на японском, корейском и китайском искусстве. Но должно быть представлено в них и художество *западное*. Ведь и Русский Дальний Восток причастен к проблемам *евразийского синтеза*, сочетания западных и восточных элементов в движении культурного творчества.

В ноябре 1934 г. в «Правде» была помещена телеграмма из Ташкента с сообщением, что «к 10-летию национального размежевания республик Средней Азии» там открывается («наконец!», могли бы ска-

---

36) Кое-какие попытки в этом направлении делались уже и к настоящему времени. Но собранные коллекции просто растаскивались (см. помещенное в «Правде» от 25 ноября 1935 г. описание положения в Омском музее).

зать советские музееведы) Государственный художественный музей. Этот последний «имеет до 150 полотен западно-европейской живописи, главным образом, фламандской и голландской школ». [37]) Можно спросить: почему советская власть оказалась не в состоянии снабдить вновь основываемый музей достаточным количеством итальянских, французских и немецких картин, столь необходимых ради полноты показа западного искусства? Ответ ясен: она не может сделать это, ибо продала в последние годы за-границу большую часть своих запасов по части произведений этих школ. Она продавала и полотна нидерландских художников. Но императорская Россия накопила в своих коллекциях столь большое количество работ фламандских и голландских мастеров, что и теперь, в середине 1930-х годов, из них могло перепасть кое-что на долю Ташкента. По части произведений итальянских, французских и немецких мастеров дело обстояло и обстоит значительно хуже. Между тем, что делала в этом отношении коммунистическая власть? Вот первая большая распродажа русских музейных ценностей (галлерея Лепке в Берлине, 6 ноября 1928 г.). [38]) Из числа итальянских картин в каталоге ее значится превосходная Мадонна Чима да Конельяно (1459—1517), близкая к манере Беллини Мадонна Биссоло, «Поклонение волхвов» Дефенденте Феррари. Тут же были проданы три мадонны, происходящие из круга Флорентийской «манерной» живописи, благородный женский портрет А. Аллори, великолепный, напоминающий манеру Паоло Веронезе, тоже женский, портрет Бернардино Фазоло, портрет работы Д. Бассано

---

37) Хранение их поставлено из рук вон плохо, о чем говорит сообщение из Ташкента, помещенное в той же «Правде» 11-го октября 1935 г.

38) Kunstwerke aus den Beständen Leningrader Museen und Schlösser. Eremitage, Palais Michailoff, Gatschina u. a. Versteigerung 6. November 1928. Rudolph Lepke's Kunst-Auctions-Haus, Berlin.

(1515—1592). Вот вещи, которые могли бы теперь достойно пополнить коллекцию Ташкентского музея! Да только ли Ташкентского? Дайте их в любой музей Кавказа, или Урала, или Сибири — они всюду будут на месте, открывая посещающим музей рабочим и колхозникам этих областей дотоле неизвестные им очарования старого западного искусства. Коммунистическая власть предуготовила этим картинам иную судьбу. Ни рабочие Советской страны, ни колхозники их не увидят. Они проданы махровым «буржуям» Запада. Из советских музеев они перешли в частные руки, из общественных собраний — в коллекции и дома, недоступные ни для какой общественности. Вот плоды «социально-культурной» политики коммунистов! На втором аукционе у Лепке (4 и 5 июня 1929 г.) [39]) из картин той же итальянской школы продавались, в числе другого: полный внутренней выразительности портрет супружеской пары Лоренцо Лотто (1480—1557), мифологическая сцена Париса Бордоне, несравненный по живописной прелести этюд Тициана, полный поэтического чувства пейзаж Франческо Гварди (1712—1793). Русские музеи весьма бедны произведениями итальянских «примитивов». [40]) Это не помешало коммунистической власти спустить за бесценок первоклассную флорентийскую Мадонну XIV века, уже находившуюся (как и все остальное) в собственности государства. Еще более бедны русские музеи работами старых немецких мастеров. [41]) А между тем 4—5 июня 1929 г. у Лепке продавался происходящий из русских коллекций превосходный портрет работы Луки Кранаха старшего. Нельзя найти достаточно сильных слов,

---

39) Kunstwerke aus den Beständen Leningrader Museen und Schlösser. Zweiter Teil. Versteigerung am 4. und 5. Juni 1929, Rudolph Lepke, Berlin.

40) См. хотя бы отзыв В. Левинсона-Лессинга и В. Миллера, Ленинград, II, с. 403.

41) См. Ленинград. II, с. 401.

чтобы характеризовать такого рода действия. Подобная культурная «политика» должна быть определена, как политика полного *презрения* к художественным запросам и художественному вкусу рабоче-крестьянских масс Советского Союза. Руководители этой «политики», видимо, считали и считают, что высокое искусство «не по зубам» этим массам. Они предпочитают продавать его произведения европейским и американским снобам.

Отметим еще одну, бросающуюся в глаза черту этих продаж. Пред современным советским искусством стоят задачи создания *собственного* портрета и *собственного* пейзажа. До сих пор советское искусство пробавлялось, в этих отношениях, задами дореволюционных традиций. Но для того, чтобы создать самостоятельную традицию — нужно творчески освоить «художественное наследство». А для того, чтобы освоить, нужно иметь его перед глазами. Как же обозначить, с этой точки зрения, продажу за-границу десятков, а может быть и сотен первоклассных портретов и пейзажей старых мастеров? «Вредительство» есть самое мягкое из возможных обозначений для подобного рода действий.

Приблизительно одновременно с аукционом у Лепке, в Англии распродавался музей Палей. [42]) Он был специально ориентирован на искусство XVIII века. Среди картин значились работы Буше, Греза, Натье, 3 архитектурных пейзажа Гюбера Робера, пейзаж Беллото, женская головка Лауренса и т. д. Имелся ряд гобеленов, много фарфора и французской мебели. Музей был несомненно интересен, но несколько односторонен. В перспективах музейного строительства России — Евразии мы приравняли бы его к музею «окружного» типа, т. е. к такому, который годился бы для показа западного искусства в музее более или менее крупного «окружного» (не областного) центра. Ленинградский

---

42) См. выше.

«Госторг» продал его за-границу приблизительно за пол-миллиона золотых рублей. [43]) Будем исходить из этого расчета. Примем притом во внимание, что за последние годы вывезено из СССР более, чем на 20 миллионов золотых рублей художественных ценностей. [44]) Таким путем мы придем к заключению, что за истекшее семилетие коммунистической властью продано антикварам и коллекционерам капиталистического мира по меньшей мере такое количество музейных предметов, которым можно было бы оборудовать (по сектору западного искусства) около *сорока* музеев «окружного» масштаба. Это отвечает *доброй половине* той сети «окружных» музеев, которую можно и должно было бы развернуть в СССР.

В аукцион 6—7 ноября 1928 г., вместе с названными выше перворазрядными картинами итальянской школы, были пущены с молотка также произведения других европейских школ, так напр., несколько «головок» Греза, любовная сцена Платцера и т. д. Сюда же относятся: цветистое «Царство Флоры» Яна Брейгеля (1568—1625), восхитительный портрет мальчика Николая Мааса. Одновременно был распродан и целый музей высоко-художественной *мебели* XVIII века (в том числе *семь* вещей знаменитого Рентгена — наибольшее количество его вещей, которое когда бы то ни было поступало за один раз на аукцион). Большинство этих предметов было изготовлено в свое время по русским заказам и находилось в России около полутора века. Какое прекрасное место могли бы занять эти вещи в музеях русского Востока и Юга. В Европе же они служат прихоти индивидуального сно-

---

43) Точно: за 48 тысяч фунтов стерлингов (тогда еще — золотых). Картина Шардена «Атрибуты искусства» и 36 голубых китайских ваз XVII и XVIII веков, находившиеся в коллекции Палей, не попали в руки антикваров. Картина Шардена находится в Москве. Возможно, что и китайские вазы до сих пор хранятся в каком-либо русском музее.

44) См. выше.

бистического вкуса. — Проданными 6—7 ноября 1928 г. картинами и мебелью можно было бы неплохо обставить сектор западного искусства уже не «окружного», но «*областного*» музея. В Берлине за них было выручено около 3 миллионов марок, т. е. около полутора миллионов золотых рублей. [45]) Иными словами, наш расчет можно выразить еще в такой форме: те произведения искусства (минимум на 20 млн. зол. руб.), которые ушли за-границу за годы 1928—1935, отвечали не менее, чем 13-14 музеям «областного» масштаба (считая по сектору западного искусства). Это, опять-таки, отвечает приблизительно *половине* той сети «областных» музеев, которую следовало бы развернуть в СССР.

Подчеркнем, что в огромном большинстве случаев продавались именно произведения старого западного искусства. Но власть посчитала возможным продавать за-границу и произведения старого *русского* искусства. Так, напр., в составе коллекции Палей попали в Англию: портрет супругов Львовых кисти знаменитого русского портретиста В. Л. Боровиковского (1758—1825), «Вид С.-Петербургской биржи» известного пейзажиста Ф. Я. Алексеева (1753—1824) и др. В каталоге аукциона у Лепке значится портрет работы Д. Г. Левицкого (1737—1822). Теперь производится расширение экспозиции русского искусства в ряде провинциальных музеев. [46]) Но сколько предметов, которые могли бы пригодиться при таком расширении, ушло за это время за-границу. Да продолжает уходить и сейчас.

Приблизительно одновременно с уничтожением ленинградских, были ликвидированы многие из *подмос-*

---

45) Оценка этих вещей в таможенной статистике была, конечно, значительно ниже.

46) Так, напр., в Ташкент отправлено в 1934 г. «около 500 полотен русских мастеров: Левицкого, Рокотова, Брюллова, Перова, Репина, Маковского, Ге, Левитана, Шишкова, Бенуа и других». Музей русской живописи создан в столице Киргизии — г. Фрунзе, и т. д.

ковных «музеев-усадеб». Между 1926-м и 1929-м годом было уничтожено три таких музея: Покровское-Стрешнево, Ольгово и Дубровицы. Не спасли их достоинства убранства и ценность заключавшихся в них предметов. В Покровском-Стрешневе особенно интересны были ампирные «Белый» и «Синий» залы. Славилось Стрешнево «своей старинной мебелью и портретами», прекрасными образцами искусства конца XVIII и начала XIX века. [47]) Об Ольгове говорилось: «Внутри дома развернут бытовой музей. Стильная мебель XVIII—XIX вв., портретная галлерея Апраксиных, библиотека, старая посуда, костюмы, театральная бутафория. Исключительно полно может быть прослежен здесь бытовой уклад жизни крепостной эпохи». [48]) В Дубровицах Радо [49]) отмечал хорошую сохранность внутреннего убранства, большое количество картин и художественных предметов, а также библиотеку. В Дубровицы были свезены также вещи из усадьбы Гончаровых-Лопасни. Некоторые предметы из «усадеб-музеев» Покровского, Ольгова и Дубровиц, быть может, и сохранились где-нибудь в другом месте. Но разрушен *ансамбль*, который представлял наибольшую эстетическую ценность. В следующие за тем годы перестал существовать бытовой музей в монастыре Вифания (около Загорска), в знаменитом Остафьеве Вяземских (пушкинские воспоминания) и в ряде других пунктов. Разрушители не пожалели исторических достопримечательностей окрестностей Москвы, как не ценят они и памятников самого города.

Ликвидация «дворцов-музеев» и «музеев-усадеб» была дополнена, как известно, в последние годы *распродажей Эрмитажа.*

Достоверно известно, что к настоящему времени уже не Советский Союз, а небезизвестный мистер Меллон

---

47) Вся Москва в кармане, М. 1926, с. 159.

48) Экскурсии в Подмосковные, III, Москва 1926, с. 20.

49) Цит. соч., с. 112.

является собственником целого ряда *основных шедевров* Эрмитажа. Как то показывают новейшие каталоги, нет более в Эрмитаже: «Портрета жены» Рубенса, «Венеры с зеркалом» Тициана, «св. Георгия» и «Мадонны Альба» Рафаэля, портрета папы Иннокентия III Веласкеза, «Благовещения» Яна ван Эйка — иными словами, *наиболее знаменитых картин этого крупнейшего русского музея.* Самым существенным образом затронуты распродажей более или менее *все* отделы картинной галлереи Эрмитажа.

Вывоз в капиталистические страны предметов искусства и старины даже только на 20 млн. зол. руб. (крайне преуменьшенные данные) — это огромный удар русскому музейному делу. И совсем небольшая помощь русскому экспорту. Даже в 1930 г., когда вывоз из СССР антикварных и ювелирных изделий достиг своего (доселе известного) максимума — он составлял (по ценности) *менее одного процента* всего экспорта. Рассудку вопреки, вывоз этот, в категориях советской таможенной статистики, зачисляется в рубрику «промышленного экспорта». Таким порядком, реальные достижения советской «индустриализации» попадают в обидное соседство со статьей, знаменующей собою ничто иное, как *распродажу национальных исторических ценностей.*

В своей речи на XVII съезде ВКП(б) И. В. Сталин громогласно признал «позором» Брестский мир. Разбазаривание советских музеев является, в своем роде, *не меньшим позором.* Существует один способ загладить этот позор: *не только немедленно прекратить разбазаривание, но и приступить к систематическим закупкам художественных произведений за-границей, с целью планового пополнения музеев СССР.* Общественные музеи Запада, как известно, не распродаются. Но из частных рук может быть куплено многое — и стать доступным публике в музеях СССР. «Матерьяльная база» для этого имеется. Уже в 1933 г. золотопромышленность дала стране более, чем на 100 млн. золотых рублей этого металла (И. В. Сталин).

Актив баланса внешней торговли измерялся в том же году 147 млн. руб. В 1934 г. соответствующие цифры составляли: 152 млн. руб. (по добыче золота) и 186 млн. руб. (по активу внешней торговли). В 1935 г. в стране было добыто еще больше золота, чем в предшествовавшем. Годовая программа по золотопромышленности была досрочно выполнена к 28-му ноября. [50] Активное сальдо внешней торговли выразилось в истекшем году 126 млн. руб. В этих условиях, продолжающаяся распродажа художественных сокровищ является фактом, прямо таки *оскорбительным* для страны. Вместе того, чтобы усердствовать в нужных и ненужных платежах за-границе, — надлежало бы хотя в малейшей степени позаботиться о *культурно-историческом достоинстве страны*. Уже и ежегодное ассигнование в один-два миллиона золотых рублей на закупки предметов искусства за-границей могло бы дать твердую базу пополнению советских музеев. А возможностей и задач музейного строительства — в СССР непочатое поле. Следует завершить и укрепить сеть «окружных» и «областных» музеев. Оставляя в неприкосновенности исторически сложившиеся комплексы столичных хранилищ, *необходимо создать наново музеи портрета и пейзажа*, приобретая для них первоклассные образцы также и западного искусства, взамен тех, которые ушли за истекшие годы за-границу.

В последние годы руководители советского музейного дела были усиленно заняты «марксистской реконструкцией» советских художественных собраний. Экспозиция ведется отныне не по отдельным категориям предметов (отдельно — картины, отдельно — рисунки, отдельно — предметы прикладного искусства), но, как выражаются советские музееведы, «по социально-

---

50) См. советские газеты от 28 ноября 1935 г. По предварительным подсчетам (см. «Правду» от 14 декабря) производство золота должно было достичь в 1935 г. 177 млн. руб.

экономическим формациям». На практике это выражается в том, что в одних и тех же залах выставлено и оружие, и картины, и графика, и керамика, и ткани, и монеты той или иной эпохи. Мы не станем входить здесь в обсуждение *теоретических предпосылок* этой экспозиции. Отметим только, что *практически* она имеет большие преимущества. Экспозиция, раздробленная по отделам, не в состоянии дать *целостного представления об эпохе*. Смотря картины, зритель забывает керамику и нумизматику. Смотря керамику и нумизматику, он уже не в силах с полной ясностью воссоздать в своем сознании образ живописи. Экспозиция «по отделам» не позволяет ему уловить *то общее*, что́ пронизывает все произведения каждой данной эпохи. Между тем, именно целостного представления о ней ищет посетитель. Попытка ввести в музеи понятие исторических «формаций» должна встретить сочувствие у каждого, кто понимает историческое развитие, как *целостный процесс*. Это соображение приводит нас к выводу, что предпринятая русскими коммунистами реформа может иметь будущее не только в обще-союзном, но и в мировом масштабе. Но такое будущее станет фактом лишь в том случае, если советская власть поднимет музейное дело в стране, действительно, на образцовую высоту. Страна, которая распродает свои музейные ценности, не может служить примером для других стран. С этим позорным прошлым и настоящим нужно покончить начисто. Нужно приступить к огромному *строительству наново*.

Директор Эрмитажа И. А. Орбели, в беседе с сотрудником «Правды», говорил так: «До революции Восток был представлен в Эрмитаже в самом сжатом и приниженном виде. До 1920 г. весь восточный материал Эрмитажа был экспонирован лишь в трех залах. Сейчас развернутая экспозиция сектора Востока займет около 80 зал». [51]) Нужно приветствовать подобное

---

51) «Правда» от 25 ноября 1934 г.

внимание к Востоку. В особенности ценно оно в рамках такого «западнического» (по всему прошлому) города, как Ленинград. Но в близкой к тому пропорции нужно расширить и существовавший доселе *западный* отдел Эрмитажа. В первую очередь нужно возместить те потери, которые проистекли из преступного «ликвидаторства» последних лет. Но в собраниях Эрмитажа есть и целый ряд других пробелов, сказывавшихся и до начала периода «распродаж» (почти вовсе отсутствует европейское средневековое искусство; слабо представлены «примитивы», не только итальянские, но также нидерландские и др.; собрания не дают достаточного представления о раннем немецком искусстве; лишь очень немногое имеется по части искусства английского). Все эти пробелы должны быть пополнены *плановыми* закупками предметов искусства на международном рынке. Но одним Эрмитажем дело никак не может ограничиться. Наряду с этим музеем мирового значения, должны быть созданы хранилища такого же масштаба в Москве. Этого требует достоинство столицы Советского Союза. До сих пор в Москве было представлено в полноте только русское искусство. Собрания старого западного и старого восточного искусства стояли всего лишь на *провинциальном* уровне. Власть не может и не должна остановиться перед затратами для того, чтобы в корне изменить это положение. Но и провинциальные музеи имеют свое — и очень большое — значение. Будущее «целостной экспозиции», о которой речь была выше, в значительной мере зависит от того, положат ли руководители советского музейного дела достаточно усилий на создание законченного типа также и провинциального художественного музея. «Слепки» и копии, о которых они начали говорить в период «ликвидаторства», тут не помогут. *Нужно «драться» за оригиналы.* Только при условии успешности такой борьбы, советское музейное дело поможет, своим примером, и остальному миру воскресить в музеях не отдельные черточки, но *целостные образы* ушедших в прошлое эпох.

Возвращаемся к вопросу об архитектурных памятниках. Разрушение множества ценнейших сооружений в еще большей мере *обезличивает* города и ландшафты Советского Союза, чем обезличивает их уничтожение и распродажа русских музеев. Это обезличивание настолько тяжело, та доля «Иванов, непомнящих родства», на которую оно обрекает целые области Союза, настолько позорна, что в тот или иной момент будущего обязательно начнется *сооружение вновь* наиболее ценных из уничтоженных построек. Конечно, даже самое точное воспроизведение не может заменить оригинала. Но лучше оно, чем судьба городов и весей, всем своим видом свидетельствующих об отсутствии у них прошлого, об их отречении от того художественного наследства, которое досталось им от предков. Да, *в этом случае* лучше воспроизведения, чем такая судьба. И пример такого сооружения уже налицо в Советском Союзе. По сообщению «Правды», в так наз. «Пушкинском заповеднике» «восстанавливается дом Пушкина в с. Михайловском — в нем будет открыт Пушкинский музей». [52]) Речь идет о доме, уничтоженном во время аграрного движения 1918 г. [53]) Есть особые причины на то, чтобы мысль о «сооружении наново» исторических памятников, в первую очередь, обратилась в СССР к дому Пушкина. Но рано или поздно кампания таких «восстановлений» разольется широкой волною по всей стране. Тем важнее, чтобы как можно большее количество памятников было сохранено в *оригинале*.

В числе другого, и в тех списках великих русских людей, которыми пестрят в настоящее время советские газеты и журналы, нельзя ограничиваться именами писателей, поэтов и естествоиспытателей, как то делалось до сих пор. В этих списках, наряду с открывателями новых земель, реформаторами техники и т. д.,

---

52) «Правда» от 18-го декабря 1934 г.

53) П. М. Устимович. Михайловское, Тригорское и могила Пушкина, Ленинград 1927, с. 7.

должны занять заслуженное ими место и великие русские *зодчие*. Нужно во что бы то ни стало организовать публикацию «архитектурного наследства» — хотя бы в том роде, как организована публикация наследства литературного. Иными словами, нужно по всей стране провести регистрацию сколько-либо примечательных архитектурных памятников, и не только провести ее, но и осуществить *издание* собранных материалов. Каждый, кто путешествовал по стране, по ее селам и захолустьям, с историко-архитектурной целью, знает, что такие публикации могут внести неменьший вклад для обогащения и познания русской культуры, чем какие бы то ни было публикации наследства литературного. Инвентаризация и издание архитектурного наследства страны представляет собою одну из очередных и больших задач русской культуры. И от нее не следует отвлекаться ни бесцельными путешествиями «по городам Италии», ни экскурсами в египетское зодчество. «Познай самого себя» — остается первоочередной задачей.

И одновременно с тем, должна быть вновь организована эффективная и широкая охрана зодческих памятников страны. Должны быть, по меньшей мере, приняты на учет и к охране все те сооружения, которые состояли в ведении Главнауки до января 1930 г. И без того их было немного — для столь огромной страны. Осуществление плана «генеральной реконструкции Москвы» должно сочетаться с несравненно более бережным, чем то было доселе, отношением к памятникам искусства, доставшимися современной Москве от прошлого. Столица Союза, ни в одном из своих исторических районов, не может и не должна являться «Иваном, непомнящим родства». Новое строительство должно *затмить*, а не уничтожить художественные произведения прошлого. Ведь нужно же отдать себе отчет в том, что в кампании разрушительства, некоторые примеры которой были названы в предыдущем, в один клубок сплетается чудовищное невежество, непомерная глупость и прямое преступление. Только сторон-

ники учения о «нации Обломовых» могут продолжать итти по этому пути.

Руссофобское разрушительство подрывает психологически и те основы, на которых зиждется обороноспособность страны.

Вступает в силу *отрицание отрицания*.

Ликвидаторы художественного наследия страны должны быть ликвидированы в кратчайший срок.

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. G.
BERLIN W 15
MEINEKESTRASSE 19

Для Франціи и Бельгіи:
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS VI
9, RUE DE L'EPERON